Вечерний Ленинград
Ленинград
17 СЕН 1969

«ЛЮБОВЬ МОЯ, САТИРА»

РАССКАЗЫВАЕТ АРКАДИЙ РАЙКИН

Пробиваться к Райкину нам пришлось несколько дней. Еще бы: театр готовился поднять занавес в своем родном городе, где он не был около года. Сильнее всех волновался, естественно, руководитель коллектива — до интервью ли тут?! «Но если это интервью «между прочим», — мрачно сказал нам Аркадий Исаакович, — то давайте в перерыве между репетициями». Мы и пришли к обещанному перерыву. Но, как выяснилось, перерывов в этом театре во время репетиций почти не бывает.

Первое, что мы встретили в кулисах, — были разнокалиберные ящики с реквизитом, по наклейкам которых можно было, пожалуй, изучить не один иностранный язык. На сцене артисты театра Р. Рома, Т. Кушелевская, В. Горшенина, Г. Новиков, В. Ляховицкий разыгрывали одну из миниатюр программы. А в уголке просцениума, беседуя с режиссером спектакля Р. Сусловичем, подсказывая, советуя что-то репетирующим актерам и одновременно давая указания осветителям и звукооператору, стоял тот, кого мы искали. Но нам и тут не повезло: пока мы пробирались закоулками сцены, Райкин исчез.

Мы нашли его в полумраке зрительного зала, откуда он уже следил за репетицией. Право, нам было неловко задавать вопросы, отвлекать и без того занятого человека, но... Райкина уже столько и в таких неподходящих условиях интервьюировали, что он теперь не удивляется ничему. Даже более того: не успели мы принести традиционные журналистские извинения, как Аркадий Исаакович извинился сам за то, что ему придется беседовать, не прерывая репетиции. Он неотступно следил за происходящим на подмостках, неоднократно поднимался из кресла и устремлялся своей легкой, знаменитой райкинской походкой к эстраде, останавливал действие, просил повторить тот или иной эпизод, то подсказывал, то показывал какой-то жест, движение, интонацию персонажа. И вместе с тем отвечал на наши вопросы.

— Аркадий Исаакович, вначале, разумеется, несколько слов о новом сезоне.

— Мы открываем его в любимом городе спектаклем «Светофор». Как и прежние наши постановки, «Светофор» прежде всего обращен в современность, он высвечивает те недостатки, которые не только еще существуют, но и пытаются оттянуть свою гибель, мешают нам жить. Герои его вам знакомы — это те, с кем мы еще порой встречаемся то на работе, то на улице, то в метро, то в магазине, а то и дома: мещане, приспособленцы, бюрократы, консерваторы, невежды.

Этот спектакль, поставленный в содружестве с заслуженным артистом РСФСР Р. Сусловичем и оформленный лауреатом Государственной премии, заслуженным деятелем искусств РСФСР С. Манделем, мы показывали в Москве, Ульяновске, Саратове. В октябре «Светофор» загорится в Варшаве, где будет проходить Декада русского искусства.

Сейчас мы работаем над следующим спектаклем, который условно пока называем «Светофор-2». Надеемся, что его премьера состоится в начале будущего года.

Мы особенно взволнованы тем, что этот сезон начинаем в родном Ленинграде, городе, где тридцать лет назад, 6 ноября 1939 года впервые поднял занавес наш Театр миниатюр.

Тридцать лет. Скромная вроде бы цифра. А за эти годы показано двадцать пять спектаклей. И в каждом из них Аркадий Райкин появлялся примерно в тридцати различных ролях. Каждой из них были отведены считанные минуты сценического времени — одна, две, три. Но убеждены, что любого своего персонажа актер мог бы играть в продолжение целого вечера — настолько глубоко и всесторонне знает Райкин жизнь своих героев, их суть, характеры.

— Не появлялось ли у вас желания когда-нибудь вывести одного из своих героев на сцену драматического театра?

— «Вывести» на подмостки Ивана Петровича или Петра Ивановича и заставить их действовать в течение полнометражного спектакля — не столь трудно. Главное — отсечь все лишнее, оставив самую их суть, и за минуту общения со зрителем раскрыть этого человека так, чтобы зритель смог отчетливо представить всю его жизнь — прошлое, настоящее и будущее.

— Аркадий Исаакович, вы бываете на сцене лиричным и грустным, задумчивым и шутливым. Но, думается, главная ваша страсть, ваша любовь — сатира. Отчего так?

— Будучи оптимистом, я верю, что все пороки и недостатки — истребимы. Мне хочется, чтобы все то, что нас окружает, было лучше, добрее, человечнее. И потому я убежден, что театр сатиры — самый гуманный театр в мире. Он активно борется с тем, что не имеет никакого права жить сегодня.

Нередко мы встречаемся на сцене с милой, остроумной, веселой шуткой. Юмор этот, при всей его привлекательности, чаще всего безобиден. Но оправдан ли сегодня театр, который живет только лишь этим?

Мы тоже любим шутку, юмор и нередко в наших спектаклях пользуемся ими. Но видим их только как ступени к основному — к сатирическому анализу отрицательного социального явления, к его развенчанию. Сражаясь со злом, сатира защищает добро. Защищает с мечом в руках. Однако при этом сатирик всегда должен оставаться добрым человеком, ибо он отрицает какие-то явления, утверждая положительные идеалы. Таково и кредо нашего театра. Мы любим людей, любящих добро, любящих юмор.

А на сцене шла репетиция одной из миниатюр «Светофора». На наш взгляд, вроде бы все шло гладко. Чуткий же глаз Райкина заметил неладное. Аркадий Исаакович извинился, поднялся и поспешил к эстраде. Два-три его жеста, чуть иная интонация — вся сцена зазвучала иначе: несравненно острее, злее. Персонажи приобрели особо зримые черты. А сколько их, таких, вывел Райкин на сцену! Одни давно умерли (не без его помощи), другие еще сопротивляются, судорожно цепляясь за жизнь.

Не всем прототипам этих «героев» по душе то, что делают Райкин и его театр. Немало писем, исполненных «благородного» мещанского гнева, получает актер. Немало всевозможных, поражающих своей нелепостью слухов и сплетен связывают порой с именем Райкина.

Этому мещанскому «гневу» артист противопоставляет гнев своего высокого гражданского темперамента, свою нетерпимость к тому, что мешает нам жить. В этом добром деле его активные помощники — коллектив театра и, конечно, те, кто не выходит на эстраду, — авторы.

— Аркадий Исаакович, кто из авторов сотрудничает с вами сегодня?

Над созданием наших программ (и «Светофора», и будущего «Светофора-2») работали и работают ленинградцы Гинзбург — М. Гиндин, Г. Рябкин, К. Рыжов, заведующий литературной частью нашего театра М. Жванецкий и трое молодых московских инженеров, чье инкогнито я пока не хочу раскрывать.

— Авторы, видим, в основном молодые. Молодые артисты появились и у вас в труппе. И наш предпоследний вопрос — он, вероятно, вам покажется традиционным — чего бы вы пожелали нашей театральной молодежи?

— Главное — никогда не забывать о гражданском долге советского актера, об общественном звучании искусства. Всегда помнить, что сцена — это трибуна. И точно знать, ради чего ты поднимаешься на нее, во имя чего отдаешь себя, свой талант людям, с чем ты обращаешься к современникам.

— Говоря о разных городах и странах, вы всегда с особой теплотой говорите о людях, обладающих чувством юмора. А каково, по-вашему, жить человеку, лишенному его?

— Таких мне просто жаль. Они обречены на жизнь без улыбки, без радости, без солнца.

На этом мы закончили наше интервью, но Райкин не закончил репетицию. Она продолжалась. Гасли и зажигались прожекторы, передвигались декорации, сменялись миниатюры...

А вечером этому сатирику-волшебнику, человеку с тысячью лиц и такой хорошо нам всем знакомой фамилией — Райкин — вновь предстояло вместе со своими коллегами выйти на сцену.

Ю. КРАСНОВ,
Б. МЕТЛИЦКИЙ